

Во втором случае глагол *to secure* обозначает такую ситуацию, когда лицо приобретает что-либо по рекомендации, требованию или запросу другого лица, а результат действия приобретения зависит от каких-либо внешних обстоятельств: *Secure your tickets early.*

Кроме компонентов, выражающих понятие преднамеренности, в значение глаголов приобретения входят дифференцирующие компоненты, отражающие способы приобретения. Глагол *to procure*, например, всегда обозначает приобретение при посредстве другого лица. В его значение регулярно входит компонент 'пособник действия': *A friend procured a position in the bank for my big brother.*

В данном случае приобретатель является агенсом в ситуации приобретения, однако приобретаемое достается другому лицу (бенефицианту), обозначенному существительным с предлогом *for*, стоящим в конце предложения.

Высказывания с глаголом *to derive* обозначают ситуацию приобретения, с обязательным компонентом 'источник приобретения' (владелец предмета или место, в котором находится предмет до момента приобретения), который может в некоторых контекстах реализоваться в значении других глаголов, например, *to win, to gain, to secure, to draw*: ... *and we had been allowed to draw supplies of canned goods from Tim's oil company.*

Сочетаемость этих глаголов на основе модели управления N1VPrepN3 однотипна. Как отмечает П.С.Петрова, указанные глаголы сочетаются с первым дополнением - существительным, обозначающим абстрактное понятие или неодушевленный (иногда одушевленный) предмет, вторым же дополнением обычно служит существительное или местоимение, указывающие на лицо, иногда на неодушевленный предмет или абстрактное понятие.

Таким образом, рассмотрение семантической структуры глаголов приобретения показывает обязательность таких элементов, как агенс, бенефициант, источник приобретения и способ приобретения. Все перечисленные элементы в рамках высказывания отражают ситуацию приобретения.

БИЛАТЕРАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Е.В.Бондаренко
Белгород

Языковой знак имеет несколько типологических черт. Одной из наиболее важных, и не менее дискуссионных, является билатеральность языкового знака.

Например, в системе флажковой сигнализации в морском флоте определенный набор флажков по цвету будет обозначать определенное сообщение, то есть будет иметь специфическое содержание. Даже при приблизительном рассмотрении все "элементы" флажковой семиотической системы будут двусто-

ронными субстанциями, где наличие того, с помощью чего выражается сообщение, и соотношение его со смыслом выступают как две стороны одной сущности. Эта сущность является элементом, знаком целой системы других таких же сущностей и представляет собой системно значимое образование, имеющее форму и содержание. Вне данной семиотической системы такой же набор флажков, например, в детском саду не будет обозначать прежнего содержания, так как этот набор не будет являться здесь знаком предыдущей флажковой системы знаков. Вне ее набор флажков не знак системы, а случайное сочетание флажков по цвету. Утрачивается билатеральность знака, он теряет свое содержание даже при наличии оставшейся формы. Тем самым он перестает быть знаком вообще.

Обязательная билатеральность языкового знака является одной из его наиболее характерных черт. Лингвистика обязана Фердинанду де Соссюру разработкой теории знаковой природы языка и доказательством того, что знак - это продукт человеческой деятельности. Эта деятельность осознанно вела к созданию билатерального знака. Обе стороны знака - означающее и означаемое - существуют в языке в виде абстрактных образований. Эти образования не существуют отдельно друг от друга. В психике говорящих носителей языка они закрепляются в языковых понятиях и знаковых формах. Языковые понятия и соответствующие им знаковые формы едины. Существующая связь между содержанием языковых понятий и их знаковой формой закреплена. Ведь именно это закреплённое единство содержания и формы языковых знаков позволяет использовать их как средства коммуникации. Именно это единство позволяет генерировать языковые знаки и правильно их понимать человеком слушающим.

Билатеральность, подразумевающая наличие определенного означающего и определенного означаемого, имеет несколько стадий обобщений при становлении знака. Нижняя стадия представляет собой ассоциирование знака как набора определенных фонем с конкретным предметным рядом реального мира. На этой стадии, когда одному означающему соответствует одно означаемое, языковой знак может быть приравнен к обычным знакам других семиотических систем. Это - первая стадия абстрагирования. Здесь наблюдается четкая связь между формой и содержанием. Этот вид связи еще не опосредован психикой человека и носит практически механический характер. Только на следующей стадии появляется психическое опосредованное восприятие знака. Предмет действительности, проходя через сознание человека, существует в нем в виде специфических образов, представленных на уровне психического восприятия отдельного человека. Это более высокая стадия абстракции по сравнению с первой стадией, и отношения между двумя сторонами знака отличны от предыдущих. На нижней стадии абстрагирования две стороны знака представлены материально, на второй же стадии, пропущенные через человеческое сознание, они представлены в виде идеальных отражений, психических субстанций.

Связь между означающим и означаемым облигаторна и нерасторжима. Разрыв этой связи ведет к исчезновению знака, когда необходимой форме не будет соответствовать необходимое содержание. Вслед за этой стадией идет третья, высшая ступень абстракции. Именно эта стадия характеризуется закрепленной в психике говорящих связью между означающим и означаемым. На этой стадии абстракции связь принята всем коллективом говорящих как данное. Содержание языкового знака понято и осознано всем социумом, использующим конкретный язык, и за этим содержанием в сознании данного говорящего социума закреплена определенная форма знака. Так языковой элемент приобретает знаковость, где за конкретным содержанием закреплена конкретная форма. Знак понимается только как единство содержания и формы. Таким образом нами понимается тезис Ф. де Соссюра о знаке как двуплановой психической сущности. Далее в классическом языкознании развитие теории знака шло по-разному и было методологически обусловлено теориями лингвистических школ.

Копенгагенский структурализм пошел по пути "дематериализации" знака, который был сведен к факту отношения формы выражения и формы содержания. Пражская школа функциональной лингвистики определяла языковой знак как отношение звукового набора элементов к его функции в языке, Лондонская школа структурализма вообще отрицала билатеральность знака, признавая их наличие, но невозможность отграничения друг от друга, а, следовательно, неделимость.

В простейших знаковых системах знаки - это материальная субстанция, предметная сущность, которая условно стоит вместо другой сущности. Связь между двумя сторонами этой сущности однозначна и даже может быть условно названа механической. Форма конкретного знака означает наличие конкретного содержания. Но главное, чем отличаются знаки таких систем от языковых - это характер содержания самого знака и его непосредственные функции. Уникальность языкового знака состоит в противопоставлении дискретного характера означающего и недискретности означаемого. Любой взятый отдельно языковой знак может обозначать как предмет действительности или целый ряд таких предметов, так и их дифференциальные признаки. Этот же языковой знак может обозначать и абстрактное понятие о классе этих предметов. Таким образом, появляется еще одно противоречие: между структурной многомерностью плана содержания языкового знака и отсутствием однозначного соответствия его с планом выражения. Это - так называемая неконгруэнтность содержания и формы.

Несоответствие двух планов языкового знака еще более четко выражено при исследовании знаков в языке и в речи. План выражения в речи ограничен временем произнесения и линейным ее характером. В плане содержания понятие временной ограниченности отсутствует. В языке же план выражения не имеет временной соотнесенности, а значение языковых единиц - имеет, так как

является результатом накопленного исторического опыта.

Кроме этого, языковой знак отличен от знаков других семиотических систем еще и тем, что две стороны языкового знака имеют несколько иную пропорцию взаимоотношений. Одному содержанию в языковом знаке может соответствовать несколько выражений - форм, несколько содержаний могут иметь только одну форму. Эти пропорции находят выражение в процессах полисемии, омонимии и синонимии, в наличии в языковой системе дублетных форм. Отношения такого рода между означающим и означаемым предполагают необозримые возможности варьирования двух сторон языкового знака. Некоторая автономность этих сторон позволяет обозначаемому быть выраженным иным обозначающим, чем его собственное.

Другим важным свойством языкового знака является его произвольность, которая состоит в отсутствии мотивировки при связи означающего и означаемого. Ф. де Соссюр называл этот вид произвольности абсолютным. Но необходимо отметить, что произвольность имеет определенные рамки, так как подвергается воздействию со стороны экстралингвистических факторов. Сфера функционирования языкового знака ограничена географически, диалектно, социально, стилистически и т. д. Основным законом существования знака является традиция, когда поколение говорящего социума передают знаки языка другим поколениям. Знак сопротивляется изменениям, он эволюционирует очень медленно, часто "отметая" инновации. В диахронии мотивировка знака может "стираться", что также ведет к его функционированию как произвольного. Произвольность проявляется и в том, что социум глобально не может влиять на законы функционирования языковых знаков. Сознательная деятельность резко ограничена, она ничтожна по сравнению со структурными внутрисистемными факторами развития языка.

МОДУЛЯЦИОННО - ДЕРИВАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ НЕТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

О.В. Бондаренко
Волгоград

Нетематические глаголы *дамь*, *ѣмь*, *вѣмь*, *имамь* рассматривались с точки зрения формальной их организации (Ф.И.Буслаев, А.Х.Востоков, Н.Н.Дурново, П.С.Кузнецов, А.М.Селищев, В.Б.Силина, Г.А.Хабургаев, А.А.Шахматов и др.); с учетом грамматических характеристик при исследовании временных форм (А.Вайан, Б.В.Лавров, С.П.Лопушанская, А.Мейе и др.); с точки зрения акцентной характеристики морфологического изменения